

В. И. Ламанский

Живая старина

Выпуск 1. Год 3. Издание 1897 года

УДК 304
ББК 60.5
Л21

Л21 **Ламанский В.И.**
Живая старина: Выпуск 1. Год 3. Издание 1897 года / В. И. Ламанский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 140 с.

ISBN 978-5-4241-6586-3

ISBN 978-5-4241-6586-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТДѢЛЪ I.

Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ.

Потребность въ широкомъ изученіи особенностей русскихъ говоровъ давно уже чувствовалась въ нашей наукѣ. Въ изслѣдованіи русской діалектологіи одинаково заинтересованы не только спеціалисты-филологи, но и этнографы и историки. Поэтому нельзя не отнестись вполне сочувственно на призывъ къ работѣ въ этомъ направленіи такого почтеннаго журнала какъ «Живая Старина». Отдѣльныя работы по описанію различныхъ говоровъ тѣмъ болѣе своевременны, что уже начатъ общій обзоръ русской діалектологіи такимъ извѣстнымъ ученымъ, какъ профессоръ Соболевскій.

Важность выясненія отдѣльныхъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ чувствуется едва-ли не сильнѣе, чѣмъ другихъ частей Россіи. Поэтому, авторъ настоящихъ замѣтокъ рѣшился подѣлиться съ читателями «Живой Старины» имѣющимися у него матеріалами по бѣлорусской діалектологіи. Нижеслѣдующія замѣтки не будутъ имѣть опредѣленнаго плана; авторъ предполагаетъ остановиться лишь на нѣкоторыхъ, болѣе выдающихся изъ извѣстныхъ ему говоровъ Минской губерніи. Главная цѣль замѣтокъ—описать менѣе извѣстныя особенности говоровъ, и лишь въ первомъ очеркѣ авторъ позволитъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя общія замѣчанія объ особенностяхъ бѣлорусскаго нарѣчія вообще, что вполне уместно, потому что 'говоръ Ново-Сверженской волости, какъ лежащей въ Минскомъ уѣздѣ, принадлежитъ къ центральнымъ бѣлорусскимъ. Матеріалы для настоящихъ замѣтокъ — исключительно рукописныя, имѣющіеся въ распоряженіи автора. По нѣкоторымъ мѣстностямъ они собраны лично авторомъ, по другимъ—доставлены изъ надежныхъ источниковъ ¹⁾.

¹⁾ Эти матеріалы (пѣсни, сказки, описанія обычаевъ и обрядовъ, юридич. матер. и пр.) будутъ современемъ помѣщены въ «Трудахъ» Моск. Общ. Любит. Естеств., Антропол. и Этногр. Изданіе ихъ уже приходило къ концу, но сгорѣло все во время пожара въ типографіи Левенсона.

I. Говоръ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда.

Матеріаль, которымъ я пользуюсь,—это записи пѣсенъ и сказокъ, сдѣланныхъ для меня въ этой мѣстности гг. Демидовичемъ и Ярмаковичемъ. Записи были сдѣланы по моей просьбѣ и по моимъ указаніямъ. Главнымъ образомъ я заботился о точности записи, которая, думаю, и достигнута въ возможной мѣрѣ. Количество записей—до 500 пѣсенъ и до 50 сказокъ.

Ново-Сверженская волость расположена въ юго-зап. части Минскаго у., по верхнему Нѣману, на пограничьи съ Новогрудскимъ уѣздомъ. Замѣчу, что большинство записей относится къ д. Нейгертово этой вол., Кнотовицзинѣ, с. Никольску. Такимъ образомъ, избранная нами мѣстность можетъ быть отнесена къ центральной части Бѣлорусскаго нарѣчія, считая Минскій и Новогрудскій уѣзды его типичными представителями.

А. Гласныя, *О. Е. Ё.*

Изъ гласныхъ, звуки *о* и *е* представляютъ наиболѣе интересныя особенности не только даннаго говора въ средѣ бѣлорусскихъ, но и всего бѣлорусскаго нарѣчія. Прежде всего *о* и *ь* на значительномъ пространствѣ этого нарѣчія являются звуками двоегласными. *Оу, уо, и іе*; двоегласіе это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что звуки *о* и *у, і* и *е* настолько тѣсно сливаются, что представляютъ одинъ звукъ—дифтонгъ, слышимый въ одной мѣстности рѣзче, въ другой весьма близко подходящій, а иногда совсѣмъ превращающійся въ чистый *о* и *е*. Съ другой стороны, будучи безударными, эти звуки представляютъ другое замѣчательное явленіе бѣлорусскаго вокализма—явленіе *аканья*.

Раземотримъ сначала безударное *о* и *е, ь*.

Всякое безударное *о* произносится какъ *а*. Это явленіе наблюдаемъ какъ въ серединѣ словъ, такъ и на концѣ. Вообще, кажется, оно не имѣетъ исключеній въ данной мѣстности, если не считать таковыми случайнаго расположенія словъ въ пѣснѣ или рѣчи, гдѣ на *о* лежитъ логическое удареніе, или наконецъ обмолвокъ или описокъ въ записяхъ. Такъ, въ серединѣ словъ мы встрѣчаемъ: *дзѣвачкуомъ, дзѣвачкѣ, ў канцѣ, пасјоль, акѣнца, сь пуоўначи, пахавайма, патъ ганачкамъ*. Въ суффиксахъ и флексіяхъ: *жалка, сильня, вѣрня, правую рукоу, дзѣтакъ, зъ сынуочкамъ, за вудіськамъ, брыўлянай зъ бѣлая, станьма, пахавайма, жита* (им. вин. ед.)¹⁾ и проч. Эти примѣры убѣдительно свидѣтельствуютъ, что независимо отъ мѣста, занимаемаго безудар-

¹⁾ Приводимыя слова я оставляю въ той формѣ, въ какой онѣ встрѣчены въ текстѣ записей.

нымъ *о* въ словѣ, оно переходитъ въ *а*. Однако есть разница въ природѣ этого *а*, какъ мнѣ кажется: *а* изъ *о*, стоящее передъ ударнымъ слогомъ и непосредственно послѣ него, слышится явственно, какъ *а*; стоящее же на второмъ отъ ударяемаго слогѣ, послѣ или передъ нимъ, имѣетъ звукъ менѣе чистый, средній между *а* и *о*; послѣднее относится и къ тѣмъ случаямъ, когда безударнымъ *о* кончается словъ. Поэтому не одинаково явственно слышимъ *а* въ: канцѣ, здѣтакъ, гадоуѣ, и въ: ганачкамъ, пахавайма, жалва, жита, равнымъ образомъ, во флексіи *аа* при довольно явственномъ конечномъ *а*, предыдущее *а* неявственно: залѣнага. Г. Карскій объясняетъ подобныя случаи тѣмъ, что *о* здѣсь можетъ переходить въ *а*, но можетъ и не переходить. ¹⁾ Мнѣ кажется, что переходъ всегда происходитъ, но звукъ получается неявственный.

Къ переходу *о* въ *а* тѣсно примыкаетъ замѣна *е* безударнаго и *ь* — чрезъ *я*, *а*. Еще К. Апфель указалъ, что правильная замѣна въ этомъ случаѣ наблюдается лишь тогда, когда *е* стоитъ передъ ударнымъ слогомъ. ²⁾ На этотъ случай мы находимъ полное подтвержденіе въ Ново-Сверженскомъ говорѣ: сядо, вялѣкая, сьвячѣ, сядо́ня, вялѣць, цьвяро́зы й, бяруо́за, дзяўчѣ́на, бяда́, вянуо́къ, бялѣ́й, пасуо́чакъ, сястра́, вяся́на, сьвятлѣца́ и т. д. Однако, для *е* собственно мы наблюдаемъ достаточно правильный переходъ его въ *я* и тогда, когда оно стоитъ послѣ слога ударнаго: вѣрня́мя, ка́мянь, Ма́руся́нка, вѣ́яду, я́сяно́сянка, га́ласно́сянка, мѣ́ляньки. Въ суффиксахъ и флексіяхъ: сѣ́кянь, быва́юшъ, дзя́куя́мъ, прака́та́мяся, ра́ца́та́мяся, врэ́я, бушѣ́я, идзе́ця, іешца́, пѣ́ця, (пейте), чѣ́я и др.

Такъ какъ *р* въ бѣлорусскомъ нарѣчій абсолютно твердо, то *е* и *ь* послѣ него замѣнились не *я*, а *а*: спрача́ўся, рашато́, гора́й, (горѣ́й, хуже́), чаравѣ́ки, выраза́ли, ракрута́чки, сустрача́ци, нарава́ць, рака́ (рѣ́ка), го́ра (горе́), прасѣ́ (презѣ́ — чрезѣ́, когда оно свое удареніе передаетъ слѣдующему слову), ў ра́ццѣ́ и др.

Послѣ шипящихъ, которыя, какъ извѣстно, въ бѣлорусскомъ тверды: пасоча́къ, гроша́н, гра́ча, хоча́, пла́ча, че́ша, речань́ка, пла́чамъ, у́жаны́ка, руча́чку, жа́на, реча́й, вечера́, жани́чися, лутша́й, руча́ньки, ща́ку, ра́щашу, щаня́та ³⁾, чаравѣ́ки, па́цалю́, ца́ны и пр. Аналогично: сарде́нку и са́бѣ́.

Явленіе *а* канья́ представляетъ одно изъ важнѣйшихъ отличій бѣлорусскаго нарѣчія, хотя оно извѣстно южно-великорусскому говору, а также немногимъ сѣверно-великорусскимъ, но здѣсь оно является болѣе или менѣе sporadически и не отражается такъ рѣзко на всемъ строѣ говора. Безсоновъ даже

¹⁾ Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, р. 43.

²⁾ Ст. О бѣлорусскомъ нарѣчій, Р. Фил. Вѣстн., 1880, № 2, стр. 198 и сл.

³⁾ Но руча́емъ проф. Соболевскій производить отъ руча́й. Ж. М. Н. Пр. 1885, VI, р. 305.

высказываетъ мысль, что южно-великорусское аканье есть отраженіе, заимствованіе «канья бѣлорусскаго¹⁾. Это послѣднее вполне возможно, но, разумѣется, московское аканье не есть «передѣлка» съ половины XVII ст., какъ выражается Безсоновъ, а скорѣе болѣе глубокий слѣдъ колонизаціоннаго движенія кривичей въ области Овскаго бассейна, продолжавшагося много столѣтій и закончившагося раньше окончательнаго обособленія бѣлорусскаго нарѣчія отъ праязыка русскаго. Бѣлорусское аканье²⁾ замѣчается уже въ самомъ нач. XV в. Въ договорѣ Полоцка съ Ригю 1405 г. мы встрѣчаемъ всякоя³⁾. Въ памятникахъ половины и конца этого стол. оно является уже господствующимъ: гр. 1478 г. зъ абого, стаить, пасле,⁴⁾ въ Четьѣ 1489 г. оно представляетъ обычное явленіе; працаеть, багата, вясло, веселя и пр.⁵⁾ Однако аканье было извѣстно и раньше, по крайней мѣрѣ я изъ ѣ находимъ уже въ половинѣ XIV в.: поколя (грам. 1340), и дотоя (1383 г.) и нѣк. др.⁶⁾ При консервативности письма, оно въ первое время, въ XIV и нач. XV в., встрѣчается рѣдко, но съ конца XV и въ XVI в.—становится явленіемъ обычнымъ. Аканье, начавшееся въ древнихъ кривичскихъ и московскихъ говорахъ, окрѣпло на почвѣ чисто бѣлорусской, послѣ окончательнаго обособленія кривичскихъ и дреговичскихъ говоровъ. О безударное потемнѣло въ сознаніи народа, начало колебаться и перешло въ а. Но а изъ е пережило еще посредственный переходъ: сначала явились о изъ е, затѣмъ уже это о перешло въ а⁷⁾. Колебаніе звука е относится въ очень раннимъ особенностямъ⁸⁾ бѣлорусскаго нар.—въ XIII ст., напр. человека, въ грам. Смол. кн. въ Ригу 1284: нашому, вашему⁹⁾. Хотя эта черта не была преобладающею въ говорѣ, и на ряду съ развитіемъ о изъ е мы встрѣчаемъ уже переходъ этого новаго о въ я (съ XV в.), однако подобные примѣры проходятъ и въ XIV и XV вв.; ажю (грам. XIV в.), цоловати (гр. 1389 г. 10); ко воръ, хочомъ и др. примѣры изъ Четья 1489¹¹⁾.

¹⁾ Бѣлорусскія пѣсни, р. V.

²⁾ Объ аканьѣ въ Моск. пам. пол. XIV ст. см. Соболевскій, Лекціи по ист. р. яз., р. 69 г. (1-ое изд.).

³⁾ Соболевскій, Полоцко-Смоленскій говоръ Р. Фил. Вѣстн. 86 г., № 1, р. 11.

⁴⁾ *ibidem*.

⁵⁾ Карпинскій, Четья 1489 г. (изъ Р. Ф. В.) р. 10, 9.

⁶⁾ Недешевъ, Историч. Обзоръ за. и морфол. особ. бѣлор. гов., р. 18 (отг.), но не до-к о л я, какъ думаетъ г. Недешевъ. Ср. рец. Соболевскаго, Ж. М. Нар Пр., 1885, № VI, р. 305

⁷⁾ Соболевскій, Въ ист. русск. акающихъ говоровъ, Р. Фил. Вѣстн. 1884, № 3, р. 106.

⁸⁾ Соболевскій, Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В. 1886 № 1, 13. Но въ др. р. памятн. эта черта встрѣчается уже въ XII в. (См. объ Антихристѣ, Галицкій Выголевскій сб. и др.). Соболевскій, Лекціи, р. 52.

⁹⁾ Смол.—Пол. гов., Р. Ф. В., 81, № 1, В.

¹⁰⁾ *Ibidem*, р. 10, 11.

¹¹⁾ Карпинскій, 10.

Когда закончился этот переход *e* въ *a*, неизвѣстно; въ настоящее время онъ едва ли слышимъ гдѣ нибудь въ Бѣлор., но еще въ Статутѣ 1588 г. Карскій отмѣчаетъ формы: нашего, едучого, мачохи, чоловікъ ¹⁾. Однако сомнительнымъ кажется, чтобы всякое *a* изъ *e* прошло черезъ *o* и чтобы былъ такой моментъ въ языкѣ, когда бы послѣднее явленіе было всеобщимъ, или по крайней мѣрѣ преобладающимъ. Встрѣчающіеся одновременно факты (съ XV в.) *o* изъ *e* и *a* изъ *e* черезъ *o* противорѣчатъ послѣднему: появленіе *o* изъ *e* предшествовало появленію *a*, но и послѣднее явилось непосредственно за первымъ, а въ началѣ могло быть и одновременнымъ прямо изъ *e*. Очевидно, что подъ вліяніемъ общаго процесса въ языкѣ, перехода отъ *o* и *e* (черезъ *o*) къ *a*, отдѣльныя реченія могли непосредственно перемѣнять *e* на *a*, недожидаясь посредственной ступени. Это возможно тѣмъ болѣе, что *o* изъ *e* мы чаще всего встрѣчаемъ послѣ шипящихъ (отвердѣніе которыхъ началось очень рано) и сравнительно въ другихъ немногихъ случаяхъ (коворъ въ Четвѣ 1489 г. и др.).

Покончивъ съ аканьемъ, перейдемъ къ другимъ случаямъ перехода безударнаго *o* и *e*.

Прежде всего встрѣчаемъ переходъ безударнаго *o* въ суффиксахъ и флексіяхъ въ *y*: прыгодуньки, на рокитавумъ кусту, ў бѣлуй свици, *буосинькуй* (дат. п.), *варуажуньки*, *суботуньки*, *ўдовунька*, на правуй, на лѣвуй, при яснууй, па новумъ, па жуоўтумъ и др.

Такимъ образомъ, этотъ переходъ мы встрѣчаемъ лишь въ суффиксахъ *онька*, *снѣка* и въ дат. и предл. пад. женск. р. и твор. муж. им. прилаг. Кажется указанными случаями и исчерпывается данное явленіе Ново-Сверженскаго говора. Въ серединѣ словъ встрѣтилось грумаду (ср. *оубеспечили* въ стат. 1588) ²⁾.

Смѣна *o* на *ы*, происшедшая, какъ думаетъ К. Аппель, уже послѣ перехода *o* въ *a* ³⁾ отражается въ говорѣ данной мѣстности лишь въ нѣсколькихъ примѣрахъ: зъ дрыўляная хаты, дрыжиць, подышодши, яблычки, крывавыя, бабрѣсьци (полагаемъ, что эту форму народъ связываетъ съ бродимъ, бродъ).

Въ настоящее время явленіе перехода безударнаго *o* въ *ы* свойственно только сѣв.-восточн. бѣлорусскимъ говорамъ: приведенные у К. Аппеля примѣры всѣ относятся къ Витебскому, Лепельскому и Суражскому уу., нѣсколько словъ взяты изъ Дисненскаго и Быховскаго уу. Западно-бѣлорусскимъ гово-

¹⁾ Р. Фил. Вѣстн., Къ ист. зв. и ф. бѣл. рѣчи, 1890 г. и 4, р. 203.

²⁾ Карскій, Р. Ф. Вѣстн. 1890 г., № 4, 208.

³⁾ Р. Фил. В., 1880, № 2, р. 208.

рамъ оно извѣстно лишь въ немногихъ случаяхъ, хотя это явленіе здѣсь не ново: ср. въ Четвѣ 1489—дрыжаху, крѣвавы 1).

Послѣдніе примѣры изъ Четви, а также и наши примѣры представляютъ *ы* послѣ *р*; другихъ примѣровъ, кажется, нѣтъ, а потому они скорѣе соотвѣтствуютъ малор. кривави, въ которомъ *и* объясняется проф. Соболевскимъ какъ рефлексъ древняго глухаго звука 2). Примѣръ подышоль можетъ быть объясненъ и изъ подъ-ис-шоль 3).

Равнымъ образомъ нашъ говоръ не представляетъ выдающихся особенностей перехода неударнаго *е*, *ь*. Переходъ *ь* въ *и* въ срединѣ словъ встрѣченъ нами лишь въ зацьвѣтала, цѣвила, усмихнуўся. Кажется, другихъ примѣровъ не встрѣчается. Зато переходъ *ь* во флексіяхъ дат. ж. и мѣстн. пад. въ *и*, а послѣ шипящихъ, *у* и *р*—въ *ы* можетъ быть признанъ общимъ правиломъ: *ў* дѣси, *ў* няволи, *ў* касьцели, *ў* зьвинтары, дзѣўцы, сиротуньцы, па садзи, *ў* начы, на рѣчцы, *ў* матаньницы, па галовачцы, *ў* гѣры, на моры и пр. Ср. въ грам. 1396 г. на реци, при вѣри и др. 4).

Е въ нѣкоторыхъ суффиксахъ также можетъ переходить въ *и*: бѣлнѣнка, ранинѣнка, прыкраснѣнка, хуцнѣнка, въ префиксѣ *пре*: прыкрасна; въ срединѣ словъ только: семдзясать, дзясаткаў, падлица, циперъ, пинѣкъ; частица *не* обыкновенно произносится *ни*, рѣже *ня*; наконецъ, въ мѣстоим. *мина*, *цибе*, (вин. п., дат. *табѣ*), *мине* (вин. п.), *сибе*, , *сибя*. Перехода въ флексіяхъ глаг. 2 л. ед. ч. *еиш* въ *ишз*, въ родѣ будзшшз и пр. въ нашемъ говорѣ не встрѣчается. Оно болѣе присуще сѣверо-восточн. говорамъ.

Отмѣтимъ еще *е=ю* въ флексіяхъ: на крайномъ, на синюй и др.; сюда же относятся формы: *Васильюнку* и *ўсюхъ=вѣхъ*.

Перейдемъ теперь къ ударнымъ *о*, *е*, *ь*. Важнѣйшимъ явленіемъ представляется здѣсь переходъ *о* въ *уо*, а *ь* въ *іе*. Разсмотримъ, въ какихъ случаяхъ встрѣчаемъ первое явленіе, и постоянное ли оно или спорадическое.

Самый большой рядъ словъ съ *уо* тотъ, гдѣ ударное *о* находится передъ двумя или болѣе согласными, также передъ согласнымъ *ј*, или передъ однимъ согласнымъ, кончающимъ собою слогъ. Вотъ рядъ примѣровъ: *буольша*, *нявуольна*, *кукуольначка*, *дуонька*, *буольна*, *цуойдзяшъ*, *гуорка* (горько), *туольки*, *вуозьмуць*, *сакуоль*, *вуочвами*, *пахуоть*, *здуотнички*, *волачуобнички*, *руоднянки*, *рабуотнички*, *чабуоръ* (родъ травы), *буорку* падвуорья, *кракуось* (растѣніе),

1) Карпинскій, р. 6.

2) Очерки изъ ист. русск. яз., р. 73, и рец. на кн. Карскаго. Журн. М. Нар. Пр., 1887 г., № 5, 146; Потѣбня, Замѣтки о малор. нар., р. 12.

3) Соболевскій, Ж. М. Нар. Пр., 1885 г., № 6, р. 305.

4) Недешевъ, 19.

сяруо̄тъ, халуодная, ўспуо̄мни, буорздыхъ, вячуорки, друобны, гуорняца (горнется, прихляется), гуорница, пуотшта, плуотничкаѹ, адбуорначка, збуорщикъ, пярabuорщикъ, нуочка, муожна, вагуонъ, вуотва, куопка, жуонка, руозна, пуозна, галуо̄ўка, изнуо̄ѹ (снова), дуо̄ўга, сьвякруо̄ѹ, пуо̄ўначъ, наруо̄ѹя (норовъ, наровье), здаруо̄ѹя, вуо̄ўкъ, пятруо̄ўка, малуо̄йчикъ, вуо̄йська, бо̄йся, на пуо̄йя, малуо̄йця, вуо̄йту, муо̄й, тьуо̄й, разбуо̄й, пастуо̄й труо̄йку и мн. другіе.

Исключеніи на данные случаи сравнительно рѣдки, и, быть можетъ, объясняются, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вліяніемъ русскаго языка или меньшею отчетливостью произношенія; вообще въ прозѣ, въ разговорной рѣчи, такихъ исключеній больше: уо̄ чаще переходитъ въ чистое о, чѣмъ въ пѣсняхъ. Но и въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: хлопчики, тонки (обычно), хвосцики, найомщики, скарджано, успомни, конь, злосьци; сюда же—Христось, васкрось. Къ этому относятся и случаи чистаго о передъ dz изъ d общерусскаго: ходзяць, ѹ народзи, малодзянкуй, годзи, на слабодзи и мн. др. Вообще можно сказать, что dz изъ d не вліяетъ на удлиненіе о въ уо̄.

Напротивъ, въ коренныхъ слогахъ, гдѣ за о слѣдуетъ одна согласная, мы встрѣчаемъ повсемѣстно чистое о; воля, выносяць, Собняйка, ворано, хоча, скочила, заборы, дароги, гораи, скоса, корань, повадъ, поламья, варотами, укрю, дарози, ѹ новуу росячи, просячи, рожа, поле, кѣничакъ, сосянка, цихоня, нарвячи, дуброва, вози, соли, пярo, зловяць, звоняць, сирѣта, гожи, широкая, нocy, моры, косы, могуць, харомы, високуй, божа, паложымъ, чыровны, раскоши, паходамъ, бочачка, словамъ, да дому и мн: др.

И въ этомъ случаѣ исключенія нерѣдки, особенно въ пѣсняхъ, хотя почти нѣтъ примѣровъ, которые строго выдерживались бы повсюду. Такъ, встрѣчаемъ: звуо̄щикъ, малуо̄душку, даруо̄жачку, рыбалуо̄вы, ѹдуо̄вушку, гавуорыць, дуо̄жа, варуо̄пячакъ, баруо̄дачку, баруо̄нушку, галуо̄вакъ, малуо̄дакъ, карчуо̄мачки, пуо̄вянъ, нуо̄вныки, стуо̄ликамъ, надуо̄бакъ и нѣк. др. Указанные только что примѣры легко могутъ быть объяснены вліяніемъ другихъ словъ, въ которыхъ уо̄ обычно.

Въ словахъ съ конечнымъ о ударнымъ; послѣднее всегда чистое: дно, вжо, зяляно, вино, адно, яво, русо, паро, братко, чутко, лицо, хто, што, харашо, и др.

Мы говорили до сихъ поръ только о коренныхъ слогахъ; обратимся къ флексіямъ и суффиксамъ. Какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ едва-ли не слѣдуетъ принять за общее правило, что здѣсь о не переходитъ въ уо̄, то же относятся и къ о, соединяющему суффиксы съ корнемъ такъ наз. соединитель-

ному. Возьмемъ рядъ примѣровъ: кусочакъ, мисточакъ, пасоцкія, вляновы, дзявоцкія, дубокъ, цисовы, дзѣвачокъ, мужычокъ, кулачокъ, вяночки, паповы, платочками, саладокъ, мядокъ, заручоная, разлучоная, травою, чаўномъ, маладою, сястрою, рудою, булавою, самому, ўдавою, кумою, рукавомъ, вадою, виномъ, другóга, варанога, маладога, маладой, радной, чужой, бядою и др. Исключенія рѣдки и невыдержаны; напр.: на живуога, залатуоуму, пабаруоумъ, дзѣвачкуоумъ, на аднуоумъ, варагуюмъ, сйўцуоумъ, варапцуоумъ, галубуоумъ, сауочку, чахуоугеа, тынуоочакъ и др.

Въ виду важности разсматриваемаго явленія мы привели возможно большее число примѣровъ, чтобы имѣть право обобщить его. Приведенныя данныя прежде всего убѣдительно свидѣтельствуютъ, что переходъ *o* ударнаго въ *yo*, т. е. дьогласность его въ данномъ говорѣ представляетъ собою явленіе не спорадическое, но въ извѣстныхъ случаяхъ обычное и необходимое: именно, *yo* является въ коренныхъ, закрытыхъ слогахъ, гдѣ за *o* слѣдуютъ двѣ или болѣе согласныя, или одна согласная, заканчивающая слово. Наоборотъ — *o* передъ одной согласной (незаканчивающей слога), конечное, въ суффиксахъ и флексіяхъ — остается чистымъ. Качество согласныхъ не имѣетъ значенія. Примѣры, противорѣчащія указаннымъ правиламъ, должны быть признаны исключеніями, случайными отступленіями.

o йотированное (*jo*), если въ словѣ лежитъ удареніе тамъ, гдѣ и въ великорусскомъ, обладаетъ тѣми же свойствами, напр.: судзюнушку, вясюль, залюны, маю. Отмѣтимъ форму ручаюмъ, происшедшую вслѣдствіе несмягчаемости *ч*; въ оконч. 3 л. ед. ч. глаголовъ: живюць, бярюць, завядзюць, вязюць, посюць, идзюць, насюць и др. Отмѣтимъ необычныя въ великор. формы: хростъ (крестъ), пасюль (посоль) и даже бясюду.

Остается отмѣтить еще извѣстныя въ бѣлор. ф.: сьвякрывы, чарнабрывы, форма—змью¹⁾; а также единичные случаи *e*, *э* изъ *o*: авенца, вянечки, последнее—полонизмъ: wianeczki.

Здѣсь же умѣстно указать на: тудею (изъ тудою), кудею и тудема, кудема.

Ѣ въ бѣлор. вообще отличается своею мягкостью сравнительно съ великор.; оно стоитъ только послѣ мягкихъ йотированныхъ согласныхъ, какъ уже замѣтилъ проф. Потебня²⁾ (говоримъ о ѣ ударяемомъ). Такимъ образомъ бѣлоруссы говорятъ бѣтлыы, звѣрь, чалавѣкъ, и пр., однако Ново-Свержен-

¹⁾ См. Аппеля, О бѣлор. нар., Р. Ф. В., 1880, № 2, 210; Потебня, Два изслѣдованія и пр., 59.

²⁾ Зам. о малор. нар., 46.

скій говоръ представляетъ собою еще бѣльшую особенность: ударяемое *ъ* въ немъ растягивается въ *іе̇*. Трудно сказать, всякое ли ударное *ъ* произносится какъ *іе̇*, или же только въ нѣкоторыхъ словахъ: записывателемъ это написаніе употребляется въ весьма многихъ словахъ, хотя встрѣчаемъ и простое *ъ*. Такимъ образомъ встрѣчаемъ: *јіесци*, *біелы*, *ніеть*, *ў ліеси*, *свьіеть*, *јіешца*, *табіе*, *сабіе*, *сіели*, *хліеба*, *віенчикъ*, *нявіехна*, *сьніежуньки*, *біелы*, *біедны*, *ў Масквіе*, *сіера* (сѣрая) и друг. Слова *јіесьца*, *јіешца* сопровождаю написаніемъ *ј*, потому что въ Бѣлорусскихъ говорахъ слова, начинающіяся мягкой гласной, всѣ, какъ кажется, йотируютъ начальную гласную. Трудно подвести подъ общее правило, когда *ъ* выговаривается чисто, когда—какъ *іе̇*. Насколько мнѣ приходилось слышать въ другихъ мѣстностяхъ,—долгота *ъ*, въ которомъ слышится *іе̇* болѣе замѣтна тогда, когда бѣлорусскъ дѣлаетъ особенное удареніе на этомъ слогѣ.

На этомъ основаніи, мнѣ кажется, можно объяснить, почему иногда въ словѣ свѣтъ, напр., ясно можно различить *свьіеть*, иногда просто *свьѣтъ*. Съ другой стороны, приведенные примѣры, кажется, даютъ право заключить, что *іе̇* изъ *ъ* появляется передъ твердымъ согласнымъ: *свьіеть*, но *бѣляньки*, *бѣдняньки*, при *біедны*. Третья, наконецъ причина появленія *іе̇*—скопленіе мягкихъ согласныхъ передъ нимъ; *сьніежуньки*, *свьіетлинька*, *сьціелянька*. Послѣдній случай *іе̇* въ говорахъ Мозырскаго у., какъ мнѣ приходилось не разъ слышать, является очень обычнымъ.

Такъ какъ *р* въ бѣлор. абсолютно твердое, то оно съ *ъ* не соединяется, а развиваетъ послѣ себя звукъ *ые̇*, иногда прямо *ы* (*рѣку*, дат. п.—*сястрѣ*, *ў карѣ*—въ *корѣ* и др.); *гарыелву*, *сустрыеў*: *рычка*, *рычы* и др.

Аналогичное явленіе послѣ шипящихъ: *ў концые̇* (въ *концѣ*), *па щацые̇* (по *щекѣ*) и др. замѣчательно, что въ рѣдкихъ случаяхъ и *е* ударное очевидно, по аналогіи съ *ъ*, переходитъ въ *іе̇*; *піечка*, *маніерка*, *міеду*, *пасціель*, *тріеска*, *іесць*, (есть) и др. Примѣры рѣдки.

Во флексіяхъ дат. ж. и предл. муж. и ж. р. *ъ* переходитъ въ *и*: *присвѣчѣ*, *ў ашѣ*, *ў пачѣ* и др. Въ срединѣ словъ въ мѣст. *ўсимъ*, *зачымъ* *тымъ* (*тѣмъ*), *чымъ* (*чѣмъ*).—*Е* въ *ю* въ суфф.: *ясніосянька*, *галасніосянька*, *бядюсянька* и пр. Ударное *е=и*: *миоль*.

Изъ обзора особенностей ударныхъ *о* и *ъ* въ нашемъ говорѣ, видно, что важнѣйшая ихъ черта—способность переходить въ *ю̇*, *іе̇*; на нихъ мы нѣсколько остановимся прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изученію.

Профессоръ Потебня неоднократно и настойчиво утверждаетъ, что *ю̇* изъ *о* и *іе̇* изъ *ъ* есть особенность исключительно малорусская, встрѣчаемая въ

сѣверныхъ говорахъ этого нарѣчія и этой особенности «вовсе нѣтъ» ни въ бѣлорусскихъ, ни въ великор. говорахъ ¹⁾, отрицая указанія Максимовича ²⁾, что произношеніе ударнаго *о* какъ *у* болѣе свойственно бѣлор. говорамъ, чѣмъ малор., хотя послѣдній, очевидно, опирался на извѣстномъ ему произношеніи. Подобную мысль почтенный ученый высказываетъ неоднократно: форма *воол.* (откуда *судол*, *вѣолсул*, и пр.) «не можетъ быть общерусской». ³⁾ Мысль эта высказана почтеннымъ ученымъ много разъ ⁴⁾ и при томъ такъ категорически, что изслѣдователямъ нечего было и думать найти подобное явленіе въ Бѣлоруссіи.

Такое категорическое заявленіе оказывается преждевременнымъ. Приведенные нами примѣры говорятъ о томъ, что дифтонги *уо* и *ѣе* свойственны въ сильной степени одному изъ срединныхъ говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія, составляютъ его неизмѣнную и важную примѣту. Но до сихъ поръ на эту особенность бѣлорусскаго нарѣчія не было обращено вниманія изслѣдователями просто потому, что имѣющіяся записи такъ еще не совершенны, что въ нихъ едва отражается эта тонкая, но характерная особенность. Однако и теперь можно собрать нѣсколько указаній, что и въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Такъ для Минской еще губ. мы имѣемъ рядъ прекрасныхъ записей изъ д. Подлѣсья Слуцкаго у., сдѣланныхъ г. Копачемъ и разбросанныхъ по сборнику г. Шейна ⁵⁾: *доруошки*, *пуодзо*, *воуйта*, *горѣлочку*, *бесѣда*, *дѣе*, *пѣечь*, *свѣчачку*, *клетачку* и мн. др. ⁶⁾. Встрѣчаемъ также и въ другихъ мѣстахъ Минскаго у. (д. Ячонка) *выбѣгла*, *табѣ*, *зацвѣтана*, и др. ⁷⁾. Слуцкаго у. (д. Семежево)—*голуовку* ⁸⁾—въ д. Островкахъ—*буоръ*, *туомъ*, *руодная*, *кѣоски* и мн. др. ⁹⁾. Въ Новгородскомъ у. встрѣчаемъ формы *бугъ*, *ѣ вяликуй* ¹⁰⁾, въ Игуменскомъ у. — *су* войны, *широкуй* ¹¹⁾, въ Бобруйскомъ — *вуйнъ* ¹²⁾, въ Борисовскомъ — *грумадоу* ¹³⁾; имѣемъ многочисленныя указанія для Мозырскаго

1) Зам. о малор. нар., 30.

2) Ист. р. слов., 112.

3) Къ ист. звуковъ русск. яз. Фил. Зап., 1876 г., т. I, 47.

4) См. еще, напр., Замѣтки о малор. нар., р. 5 и др.

5) Матерьялы для науч. быта и яз. русск. нас. Сѣв.-Зап. Края, т. I, ч. 1.

6) Ibidem, р. 27, 28, 22, 98, 347—350 и мн. др. Ср. разсказъ, написанный Слуцкимъ нар. въ «Календарѣ Сѣв.-Зап. Края» на 1889 г., издав. подъ ред. М. Запольскаго.

7) Матерьялы, ч. 1, 150.

8) Ibidem, ч. 2, р. 208.

9) Ibidem, ч. 2, 290 и слѣд.

10) Ibidem ч. 1, 245, 246.

11) Ibidem, 480, 501.

12) Ibidem, ч. 2, 267.

13) Ibidem, ч. 1, р. 486.